

началъ отвѣчать бойко и съ увѣренностью. Профессоръ сначала слушалъ его, а потомъ остановилъ и сказалъ:

— Я вамъ этого не читалъ. Я бы желалъ, чтобы вы мнѣ отвѣчали именно то, что я прохождить. Откуда могли вы вычерпнуть эти знанія?

— Это правда, господинъ профессоръ, — отвѣтилъ Лермонтовъ, — что вы намъ этого, что я сейчасъ говорилъ, не читали, и не могли читать, потому что это слишкомъ ново и до васъ еще не дошло. Я пользуюсь научными пособиями изъ своей собственной библіотеки, содержащей все вновь выходящее на иностранныхъ языкахъ.

„Мы переглянулись. Отвѣтъ въ этомъ родѣ былъ данъ уже и прежде профессору Гостеву, читавшему геральдику и нумизматику“.

Профессора обидѣлись и припомнили это Лермонтову на публичномъ экзаменѣ. Тогда и родные и самъ Лермонтовъ рѣшили, что удобнѣе будетъ продолжать курсъ въ другомъ университетѣ. Выбранъ былъ петербургскій.

„Надо однако сказать“, — говоритъ Висковатый, — что при тогдашнемъ печальномъ преподаваніи и презрительномъ отношеніи къ нему даже лучшихъ студентовъ, такіа выходки Лермонтова не представляли ничего необыкновеннаго. К. Аксаковъ рассказываетъ, что Коссовичъ (извѣстный нашъ санскриптистъ) тоже уединялся отъ всѣхъ, не занимался университетскимъ ученіемъ, не ходилъ почти на лекціи, а когда приходилъ, то приносилъ съ собою книгу и не отнималъ отъ нея головы все время, какъ былъ въ аудиторіи. Коссовичъ, который въ это время вступилъ на свою дорогу филологическаго призванія и глоталъ одинъ языкъ за другимъ, трудясь дѣльно и образовывая себя, былъ оставленъ на второмъ курсѣ, и только впоследствии, занявшись университетскими предметами, вышелъ кандидатомъ. Бѣлинскій тоже равнодушно не могъ слушать нѣкоторыхъ лекцій. Однажды Побѣдоносцевъ въ самомъ азартѣ объясненій вдругъ остановился и, обратившись къ Бѣлинскому, сказалъ: „Что ты, Бѣлинскій, сидишь такъ спокойно, какъ будто на шилѣ, и ничего не слушаешь?.. Повтори-ка мнѣ послѣднія слова, на чемъ я остановился?“ — „Вы остановились на словахъ, что я сижу на шилѣ, отвѣчать спокойно и не задумавшись Бѣлинскій. При такомъ наивномъ отвѣтѣ студенты

разразились смѣхомъ. Преподаватель съ гордымъ презрѣніемъ отвернулся отъ неразумнаго, по его разумѣнію, студента и продолжалъ свою лекцію о хріяхъ, инверсахъ и автоіанахъ, по горько потомъ пришлось Бѣлинскому за его убійственно-ѣдкій отвѣтъ“.

„Итакъ выходка Лермонтова не представляла ничего необычнаго, но легко могла разсердить профессора обидностью тона и явно презрительнымъ отношеніемъ къ его преподаванію, высказанными въ присутствіи всей аудиторіи“.

IV. Два года въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ.

Въ увольнительномъ свидѣтельствѣ, выданномъ Лермонтову Московскимъ университетомъ, ничего не говорилось о томъ, на какомъ курсѣ онъ числился. Съ такимъ свидѣтельствомъ Петербургскій университетъ отказалъ Лермонтову въ пріемѣ его на старшіе курсы и соглашался зачислить его лишь въ первый. Лермонтовъ не захотѣлъ примириться съ необходимостью опять снова начинать свою студенческую жизнь, душа его рвалась поскорѣе къ свободѣ — и онъ рѣшилъ поступить въ школу гвардейскихъ юнкеровъ.

„Часто“ — пишетъ Висковатый — „приходится слышать недоумѣніе или порицаніе тому, что Лермонтовъ изъ университета могъ перейти въ военную школу, которая представляла своимъ строемъ и программой воспитательное заведеніе, стоявшее несравненно ниже университета. Кажется непонятнымъ, какъ развигой студентъ Московскаго университета могъ рѣшиться на такую перемѣну, и не только вступить, но и окончить воспитаніе въ школѣ. Въ этомъ шагѣ Лермонтова многіе видятъ доказательство поверхностности его натуры, отсутствие серьезности и даже испорченности. Но тутъ замѣтно полное незнаніе внутреннего строя тогдашнихъ Московскаго университета и школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Дѣло въ томъ, что школа эта была основана именно съ цѣлю обучать военнымъ наукамъ и строю молодыхъ людей, поступавшихъ въ военную службу изъ университетовъ и вообще высшихъ учебныхъ заведеній. Эти молодые люди всѣ считались на дѣйствительной службѣ, приносили присягу, и жили въ зданіи школы, пользовались при-